

А.П. Нечаев

**Очерк психологии для
воспитателей и учителей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37
ББК 74
А11

А11 **А.П. Нечаев**
Очерк психологии для воспитателей и учителей / А.П. Нечаев – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 354 с.

ISBN 978-5-458-53826-8

ISBN 978-5-458-53826-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нашъ знаменитый авторъ сознавалъ, что педагогика можетъ быть основана только на психологiи.

Тѣмъ не менѣе противъ педагогической психологiи раздавались и раздаются разнаго рода возраженія. Разсмотримъ наиболѣе существенныя изъ нихъ.

Прежде всего разберемъ возраженіе, съ которымъ считался еще Ушинскій. Оно сводится къ вопросу: зачѣмъ нужна теоретическая подготовка въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ главное значеніе имѣютъ профессиональный тактъ и опытность? Педагогическая практика показываетъ намъ, насколько важны эти два свойства, которыя повидимому, приобрѣтаются безъ всякаго изученія психологiи. Разберемъ это возраженіе.

Мы знаемъ, что во всякой правильно поставленной школѣ „опытный“ преподаватель и воспитатель цѣнится больше, чѣмъ „неопытный“. Но въ чемъ заключается и чѣмъ измѣряется педагогическая опытность? Всегда-ли, напримѣръ, педагогъ, прослужившій 15 лѣтъ, долженъ быть признанъ опытнѣе того, кто прослужилъ 10? Долго работая для извѣстнаго дѣла, человѣкъ, конечно, имѣетъ больше поводовъ надъ нимъ подумать и лучше его узнать. Но, съ другой стороны, вѣдь можно 30 лѣтъ стоять у какого-нибудь дѣла и всѣ 30 лѣтъ относиться къ нему безучастно, формально. У кого опытность измѣряется однимъ количествомъ отслуженныхъ лѣтъ и прочностью приобрѣтенныхъ навыковъ, а не богатствомъ накопленныхъ наблюдений и размышлений, тотъ скорѣе заслуживаетъ названіе не „опытнаго“ педагога, а закоренѣлаго рутинера. Истинная педагогическая опытность есть плодъ наблюденія разнообразныхъ явленій школьной жизни и глубокаго размышленія надъ ними... А что такое научное знаніе? Это—тоже результатъ опыта, только опыта не одного человѣка, а тысячи людей, въ теченіе многихъ вѣковъ работавшихъ надъ данными вопросами и сравнивавшихъ итоги своихъ работъ съ выводами другихъ ученыхъ. Такой научный опытъ гораздо разностороннѣе личнаго опыта отдѣльныхъ людей. Вѣдь никто не можетъ поручиться, что въ своей

Педагогическій опытъ.

жизненной практикѣ онъ всесторонне ознакомился съ даннымъ порядкомъ явленій или что опытъ его достаточно богатъ для рѣшительныхъ выводовъ. Слишкомъ сильное довѣріе къ личному опыту обыкновенно ведетъ къ узкой точкѣ зрѣнія, къ мѣркѣ всей жизни на одинъ аршинъ. Стремленіе противопоставлять свой личный опытъ научному знанію, есть стремленіе вредное, результатомъ котораго является рутина и потеря способности правильно оцѣнивать факты. Съ другой стороны, изученіе результатовъ научнаго опыта приводитъ къ болѣе полному пониманію опыта личнаго. Пояснимъ эту мысль на примѣрѣ. Предположимъ, что одно и то же явленіе природы (напр., солнечное затменіе) наблюдаютъ одновременно человѣкъ съ естественно научнымъ образованіемъ и простой крестьянинъ. Опытъ, повидимому, у нихъ одинъ и тотъ же. Но всякому ясно, что крестьянинъ не вынесетъ изъ него и половины тѣхъ знаній, которыя приобрѣтаетъ научно подготовленный человѣкъ. Для перваго явленіе будетъ слишкомъ неожиданнымъ и поэтому онъ не сможетъ замѣтить многихъ подробностей, которыя замѣтитъ человѣкъ, теоретически знакомый съ этимъ явленіемъ. Такимъ образомъ научное знаніе подготавливаетъ насъ къ болѣе точному воспріятію окружающихъ явленій. И педагогъ, образованный въ психологическомъ отношеніи, получаетъ способность предвидѣть (и, слѣдовательно, лучше наблюдать) многое въ душевномъ развитіи своего воспитанника.

Педагогическій тактъ.

Чтобы покончить съ этимъ возраженіемъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о такъ называемомъ „*педагогической тактѣ*“, на который тоже нерѣдко ссылаются, какъ на что-то, вполне замѣняющее для воспитателя научную психологическую подготовку. Что подразумѣваютъ подъ этимъ „педагогическимъ тактомъ“? Педагогическій тактъ есть способность ориентироваться въ отдѣльныхъ случаяхъ педагогической практики. Изъ этого опредѣленія ясно, что тактъ долженъ возрастать съ накопленіемъ опыта; слѣдовательно, научное знаніе, уясняя личный опытъ воспитателя, способствуетъ этимъ и выработкѣ педагогическаго такта.

Правда, мы видимъ, что изученіе психологін и педагогикѣ не у всѣхъ людей влечетъ за собою выработку педагогическаго такта, который въ значительной степени является дѣломъ природнаго таланта. Какъ существуютъ спеціальныя таланты къ различнымъ наукамъ и искусствамъ, такъ можетъ существовать и природная способность къ педагогическому дѣлу. Но извѣстно, что всякая способность развивается отъ науки, и въ данномъ случаѣ педагогическій талантъ не можетъ быть исключеніемъ. Какъ и всѣ другія спеціальныя способности, онъ развивается подъ вліяніемъ спеціальнаго образованія.

Второе возраженіе, высказываемое противъ педагогической психологін, подвергаетъ сомнѣнію самое существованіе такой науки, какъ психологія. Вѣдь каждая наука должна быть изученіемъ закономерной связи явленій. Въ явленіяхъ, служащихъ объектами изученія естественныхъ наукъ (напр., физики и химіи), такая закономерная связь вполне очевидна. Но въ душевной жизни человѣка предполагается существованіе фактора, упраздняющаго возможность закономерности психическихъ процессовъ. Этотъ факторъ—свобода воли. Повидимому, вся душевная дѣятельность человѣка подчинена только его волѣ, послѣдняя же, какъ инымъ можетъ казаться, не подчинена ничему, для нея какъ будто не существуетъ закона, регулирующаго ея дѣйствія. Если это положеніе вѣрно, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о научной психологіи. Гдѣ нѣтъ строгой закономерности, тамъ не можетъ быть науки.

Законо-
мѣр-
ность ду-
шевныхъ
явленій.

Итакъ, подчиняется ли нашъ душевный міръ какой-нибудь необходимости? Едва ли найдется хоть одинъ настолько ярый противникъ признанія закономерности душевныхъ явленій, который отрицалъ бы закономерную связь хотя бы нѣкоторыхъ психическихъ фактовъ, напр., закономерность логическихъ выводовъ. Если бы мы въ нашихъ выводахъ не руководствовались необходимыми законами мышленія, то тогда невозможенъ былъ бы никакой правильный споръ, никакое научное умозаключеніе. Кромѣ того, въ обычной жизни мы всѣмъ своимъ поведеніемъ

обнаруживаемъ увѣренность въ закономірности многихъ явленій чувства и воли. Иначе намъ нельзя было бы предугадать, что человѣкъ почувствуетъ, будучи поставленъ въ опредѣленные условія, почему одинъ человѣкъ поступаетъ такъ, а другой иначе. Все искусство воспитанія основано на мысли, что на человѣка вліять можно. Всякое воспитательное средство опирается на предположеніе, что если воспитанника поставить въ тѣ или другія условія, то произойдетъ извѣстное психическое дѣйствіе. Однимъ словомъ, въ обыденной жизни мы постоянно допускаемъ молчаливое признаніе закономірности душевныхъ явленій. Правда, возможно думать, что строгой закономірности подлежатъ не всѣ, а только нѣкоторыя явленія душевной жизни, и что, на ряду съ ними, существуютъ психическія явленія, вполне свободныя отъ какой бы то ни было закономірности. Съ этой точки зрѣнія, психологія, какъ наука, захватываетъ далеко не всю область душевной жизни, а только нѣкоторую часть ея. Какъ быть съ этимъ возраженіемъ? Допустимъ на время, что существуютъ явленія, не подлежащія закономірности, что есть поступки, не подчиненные никакимъ необходимымъ психическимъ законамъ и управляемые одною лишь свободною волею. Спрашивается: у всѣхъ ли людей эта свобода воли существуетъ и всѣ ли нравственно свободны въ своихъ поступкахъ, желаніяхъ и чувствахъ? Практика жизни давно рѣшила, что, на примѣръ, поступки сумасшедшаго нравственно не свободны. Наконецъ, почему же судьи подвергаютъ психіатрической экспертизѣ лицъ, совершившихъ преступленія, если не подъ вліяніемъ убѣжденія, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ человѣкъ перестаетъ быть нравственно свободнымъ? Оказывается, что свобода воли тоже что-то непостоянное: у однихъ людей она выступаетъ ярче, у другихъ затемнена, а у нѣкоторыхъ, какъ, напр., у сумасшедшихъ, ея совершенно нѣтъ. Отчего это? Можно ли указать тѣ условія, при которыхъ она исчезаетъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ же фигурируютъ на судѣ эксперты? Если только заключенія этихъ экспертовъ не пустое шарлатан-

ство, если въ возможность эксператизы вѣрить и судъ, и общество,—значить мы въ практической жизни уже признаемъ, что *существуютъ известные признаки свободы воли* и тѣхъ состояній, когда она исчезаетъ. А признать это, значить допустить, что такъ называемая „свобода воли“ сама находится въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій, которыя можно подвести подъ строгое опредѣленіе. Говоря иначе, существованіе явленій такъ называемой свободы воли (обуславливающей нравственную вмѣняемость) само подчинено опредѣленной закономѣрности. Отсюда выводъ: нѣтъ такихъ психическихъ явленій, которыя бы не были подчинены опредѣленнымъ законамъ.

Значеніе слова „психологія“.

„Психологія“—слово греческое и въ буквальномъ переводѣ значить „наука о душѣ“.

Нельзя сказать, чтобы такое названіе науки было вполне опредѣленнымъ. Впрочемъ, названіе науки далеко не всегда точно опредѣляетъ ея содержаніе. Такъ напр., названіе известной отрасли природовѣдѣнія „физикой“ („физика“— „наука о природѣ“) тоже неопредѣленно, потому что понятіе „наука о природѣ“ есть понятіе слишкомъ общее, которое одинаково примѣнимо не только къ физикѣ, но и къ химіи, астрономіи и другимъ наукамъ, изучающимъ природу. Содержаніе науки всегда опредѣляется не ея названіемъ, а тѣмъ кругомъ вопросовъ, которые она выясняетъ. Эти вопросы нарождаются постепенно. Вмѣстѣ съ этимъ постепенно растетъ и усложняется научная система. Слѣдовательно, для того, чтобы понять истинный предметъ какой-нибудь науки, недостаточно знать ея названіе, но необходимо также познакомиться съ ея исторіей.

Итакъ, свой очеркъ психологіи я начну съ характеристики главнѣйшихъ историческихъ моментовъ этой науки.

Древне-греческое ученіе о душѣ, какъ сущности, въ связи съ ученіемъ о природѣ.

Греческое имя нашей науки объясняется тѣмъ, что современная психологія постепенно развилась на почвѣ древне-

греческихъ изслѣдованій, которыя первоначально были облечены въ форму „ученій о душѣ“.

Вопросъ о
душѣ и сущ-
ности міра.
Анаксименъ.
Геранитъ.

Душа у древнихъ мыслителей Греціи понимается какъ признакъ всего живого. Съ именемъ души греки связывали понятіе о всемъ, обладающемъ жизнью. Сравнивая живое существо съ мертвымъ, они не могли не замѣтить присутствія теплоты, подвижности и дыханія въ первомъ и неподвижности, холодности и отсутствія дыханія во второмъ. Отсюда легко могло возникнуть воззрѣніе, что душа есть воздухъ, проникающій въ наши легкія и придающій нашему тѣлу движеніе и теплоту. Такое воззрѣніе, дѣйствительно, появляется у греческаго философа Анаксимена.

Анаксименъ, жившій въ VІ в. до Р. X., считая душу воздухомъ, то же время предполагаетъ, что все существующее въ мірѣ беретъ свое начало въ воздухѣ и все есть уплотненный или разрѣженный воздухъ. Такъ, огонь есть разрѣженный воздухъ; вода—результатъ уплотненности воздуха; земля—уплотненная вода.

Изъ этого мы видимъ, что, при самыхъ первыхъ попыткахъ разсмотрѣть вопросъ о душѣ, греческіе философы поставили этотъ вопросъ въ тѣсную связь со своимъ *ученіемъ о природѣ*, при чемъ на первыхъ же порахъ передъ ними выступило различіе между тѣмъ, *что намъ кажется*, и тѣмъ, *что существуетъ на самомъ дѣлѣ*. Такъ, напр., по ученію Анаксимена, *на самомъ дѣлѣ существуетъ* одинъ только воздухъ, въ болѣе или менѣе уплотненномъ состояніи, а *намъ кажется*, что въ мірѣ множество самыхъ разнородныхъ вещей—вода, земля, огонь и пр. Говоря иначе, въ древней Греціи изслѣдованіе вопросовъ о душевной жизни на самыхъ же первыхъ порахъ было поставлено въ тѣсную связь съ рѣшеніемъ вопроса о *мировой сущности*. При этомъ долгое время держалось убѣжденіе, что сущность нашей душевной жизни составляетъ то же вещество, изъ котораго состоитъ и весь остальной міръ. Такимъ веществомъ Анаксименъ считалъ воздухъ, Гераклитъ (VІ в. до Р. X.)—огонь, и т. д.

Эта мысль о томъ, что всѣ вещи въ мірѣ (а въ томъ

числѣ и душа), въ сущности, не что иное, какъ видоизмѣненія одного и того же вещества, съ особенной ясностью выразилась въ ученіи *атомистовъ*, представителями которыхъ являются Левкиппъ и Демокритъ.

Атомисты.
Демокритъ,
какъ древній
матеріалистъ.

Греческій мыслитель *Левкиппъ*, ученіе котораго намъ стало извѣстнымъ черезъ его ученика *Демокрита*, жившаго въ V в. до Р. Х., задавшись, какъ и его предшественники, цѣлью—выяснить начало всѣхъ вещей, пришелъ къ выводу, что, хотя въ основѣ всего существующаго и лежитъ одно вещество, но его нельзя считать веществомъ какого-нибудь опредѣленнаго рода (напр., огнемъ или воздухомъ). Это первоначальное вещество Демокритъ называетъ *атомомъ* (слово греческое, въ переводѣ на нашъ языкъ означаетъ „недѣлимое“). Отъ разнообразнаго соединенія такимъ атомовъ получаются всѣ роды вещей (земля, огонь, воздухъ, вода, растенія, камни, тѣло, душа). По мнѣнію *Демокрита*, эти атомы—различныхъ формъ и объемовъ. Вслѣдствіе свсей тяжести, они все время летятъ сверху внизъ въ пустомъ пространствѣ, неизбѣжно сталкиваясь другъ съ другомъ и получая черезъ это столкновение новые направленія въ формѣ боковыхъ и другихъ движеній. Отъ этихъ-то движеній и получаются разнообразныя группы атомовъ, которыя составляютъ все содержаніе міра. Душа, по ученію Демокрита, также собраніе атомовъ, но атомовъ самыхъ маленькихъ, круглыхъ и подвижныхъ. По смерти наша душа, какъ существо матеріальное, рассыпается и вступаетъ въ общую сумму міровыхъ атомовъ.

Начало новаго пониманія сущности душевной жизни мы находимъ въ ученіи Анаксагора.

Анаксагоръ (мыслитель V в. до Р. Х.) сталъ уже противопологать душу всему матеріальному міру. Всякая матеріальная вещь можетъ быть путемъ дѣленія разложена на составныя ея части—атомы; душа же, по ученію Анаксагора, есть простое, недѣлимое и невещественное начало. Душа есть источникъ движенія. Представляя собой нѣчто упорядоченное и цѣлесообразное, душа является источникомъ цѣлесообразнаго движенія въ природѣ. Эту цѣлесо-

Анаксагоръ,
какъ древній
спиритуа-
листъ.

образную сущность души Анаксагоръ называлъ „разумомъ“. Такимъ образомъ, Анаксагоръ, въ области ученія о душѣ, является представителемъ новаго теченія—*спиритаулистическаго* (*spiritus*—духъ), противоположнаго *материалистическому* направленію атомистовъ.

Выясненіе собственнаго предмета психологіи и развитие ученія объ источникахъ содержанія душевной жизни.

Сущность и
содержаніе
душевной
жизни.

Итакъ, первые греческіе мыслители (до Анаксагора включительно) въ своихъ ученіяхъ о душевной жизни направляли все вниманіе на рѣшеніе вопроса о томъ, что составляетъ истинную сущность души и насколько эта сущность отличается отъ сущности другихъ вещей міра. Самое же *содержаніе* душевной жизни (чувства, мысли, желанія) почти совсѣмъ не изучалось. Усилія первыхъ греческихъ философовъ были направлены почти исключительно на разъясненіе тайнъ внѣшней природы, а *душевной міръ самъ по себѣ* мало вызывалъ въ нихъ интереса.

Этотъ интересъ замѣтно усиливается среди греческихъ философовъ во второй половинѣ V вѣка до Р. X.

Призывъ Со-
крата къ са-
монаблюде-
нію.

Въ то время, какъ софисты, извѣрившись въ убѣдительности современной имъ философіи доказывали, что на свѣтѣ нѣтъ истиннаго знанія и обязательной для всѣхъ нравственности, выступилъ философъ, горячо убѣжденный въ томъ, что люди могутъ познавать истину и что познаніе этой истины помогаетъ человѣку становиться лучшимъ. Это былъ *Сократъ* († 399). Слушая разсужденія софистовъ, онъ все болѣе и болѣе сознавалъ, что ихъ невѣрные выводы возможны только вслѣдствіе той постоянной *путаницы понятій*, которую они допускаютъ. Сдѣлайте понятія ясными, устраните ихъ путаницу,—и тогда вы откроете въ себѣ живой источникъ убѣжденія. Но какъ возможно уяснить свои понятія? Для этого надо вдуматься въ нихъ, углубиться въ свои мысли, постараться хорошенько узнать то, что происходитъ въ нашей

душѣ. „Познай самого себя“,—говорилъ Сократъ,—„это самое главное“.

Завѣтъ Сократа имѣлъ большое значеніе для развитія психологіи. Онъ обратилъ вниманіе мыслителей на изученіе явленій душевнаго міра. И первымъ плодомъ, развившимся подъ вліяніемъ ученія Сократа, явилась система Платона, въ которой вопросъ о душевной жизни былъ поставленъ съ совершенно новой точки зрѣнія.

Вѣрный завѣтамъ своего учителя, Платонъ († 347) на-правилъ все свое вниманіе на изученіе понятій. Углубляясь въ свои мысли, онъ видѣлъ, что наши понятія бываютъ двухъ родовъ; во первыхъ, мы можемъ имѣть понятія *объ отдѣльных предметахъ* (напр., о своемъ домѣ, о своей книгѣ, о своихъ родителяхъ); во-вторыхъ, мы имѣемъ понятія о разныхъ *предметахъ вообще* (напр., о домѣ вообще, о книгѣ вообще, о родителяхъ вообще). Понятія *объ отдѣльных предметахъ* называются *единичными понятіями*, а понятія о предметахъ вообще—*общими понятіями* или *идеями*. Какимъ образомъ мы получаемъ единичныя понятія? Откуда мы узнаемъ о существованіи *отдѣльных вещей* (напр., своего дома, своей книги и пр.)? Отвѣтъ на это ясный: изъ окружающаго міра, изъ опыта. Но какимъ образомъ мы получаемъ общія понятія? Откуда мы узнаемъ о существованіи *предметовъ вообще* (напр., дома вообще, книги вообще и пр.)? Очевидно, что предметовъ вообще кругомъ себя мы не находимъ; мы видимъ только единичныя вещи. Но откуда же у насъ появляются общія понятія? Какимъ способомъ наша душа получаетъ знаніе *объ идеяхъ*? На эти вопросы Платонъ отвѣчаетъ такъ. Есть два міра: одинъ міръ—тотъ, въ которомъ мы живемъ и въ которомъ существуютъ единичныя вещи; другой міръ—тотъ, въ которомъ существуютъ вещи вообще, т. е. идеи. Въ этомъ мірѣ идей (идеальномъ мірѣ) витаютъ наши души, прежде чѣмъ онѣ поселятся въ наши тѣла. Поэтому-то наши души знаютъ *объ идеяхъ*: наша душа помнитъ идеи, съ которыми она жила раньше.

Платонъ. Вопросъ о происхожденіи нашихъ понятій.

Прирожденныя идеи.

Если мы хотимъ объяснить какое-нибудь общее понятіе

(т. е. идею), то мы часто приводимъ въ примѣръ какую-нибудь единичную вещь. Напр., если мы хотимъ объяснить, что такое красивый предметъ вообще, то мы можемъ взять въ примѣръ какую-нибудь отдѣльную красивую вещь (напр., картину, музыкальную пьесу и пр.). Но при этомъ мы знаемъ, что та вещь, которую мы взяли въ примѣръ, еще не составляетъ красоты вообще: всякая отдѣльная красивая вещь является *примѣромъ* красивой вещи вообще; всякая отдѣльная вещь только, такъ сказать, *отчасти выражаетъ* то, что цѣликомъ выражается въ общемъ понятіи. Поэтому Платонъ говорилъ, что всякая отдѣльная вещь только отражаетъ въ себѣ свою идею и что весь реальный міръ только стремится воплотить въ себѣ міръ идеальный. Надъ всѣми идеями царитъ идея блага, или, другими словами, идея вѣчной красоты. И весь міръ нашъ стремится воплотить въ себѣ эту великую идею: она служитъ его идеаломъ.

Душа, будучи безтѣлесной и неизмѣнной, является нашей посредницей между міромъ идей, или міромъ сверхчувственнымъ, и міромъ реальнымъ. Она приходитъ въ наше тѣло изъ міра идей. Она хранитъ въ себѣ знаніе объ этихъ идеяхъ и, воспринимая единичныя вещи реального міра, невольно, по поводу ихъ, припоминаетъ тѣ общія понятія (идеи), которыя въ нихъ отражаются.

Два источника
на содержа-
нія душевной
жизни.

Мы видимъ что въ системѣ Платона ученіе о душѣ было постановлено въ тѣсную связь съ рѣшеніемъ вопроса объ основахъ познанія. При этомъ Платонъ пытается объяснить, откуда происходитъ все разнообразіе психическаго міра, и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ заключенію, что одна часть содержанія душевной жизни возникаетъ *подъ вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ, воздѣйствующихъ на органы нашихъ чувствъ*, другая же должна быть признана чѣмъ-то *прирожденнымъ*.

Воззрѣніе Платона подвергалось сильной критикѣ Аристотеля.

Аристотель,
нашъ пред-
ставитель
древняго эм-
пиризма.

Аристотель († 322) не признавалъ ученія Платона о мірѣ идей, существующихъ отдѣльно отъ реального міра.